

тием выделялся Владимир Храбрый. Он немало потрудился над обустройством первоначально удельной Троице-Сергиевой обители и фактически ввел Сергия Радонежского в круг политической элиты своего времени. Князь способствовал интенсивной культурной жизни. Особое лицо ей придавали византийские связи патронируемых им монастырей. Авторы проследили, как постепенно после смерти могущественного Владимира Андреевича брата Троице-Сергиева монастыря начала дрейфовать в сторону великокняжеской власти. Амбиции резко выросшей монастырской корпорации и растущее почитание пр. Сергия Радонежского уже не укладывались в удельные рамки. По мнению Мазурова и Никандрова, монастырь окончательно перешел под покровительство Василия II около 1433 г.

Самостоятельное значение имеют приложения к монографии. Это написанные в лучших традициях отечественной археографии источниковедческие работы Мазурова об удельном архиве Серпуховских князей, о датировке завещаний Владимира Храброго и Василия I (последняя работа совместно с Никандровым), о духовной грамоте Елены Ольгердовны. Никандров проанализировал «Татищевские известия», касающиеся удела. В генеалогическом очерке воссоздана полная история серпуховской ветви рода московских князей в XIV–XVI вв. Книга прекрасно иллюстрирована (почти 70 карт, планов, схем, прорисей монет и печатей, миниатюр рукописей, фресок, фотографий, документов и др.).

Анализируемая монография является ценным вкладом в изучение истории российской государственности. Многогранная картина истории конкретного удела позволила перейти к общеисторическим обобщениям. Так, весьма убедительно выглядит итоговый историко-юридический анализ прав и обязанностей великих и удельных князей (с. 214–216). Авторы показали, что все серпуховские правители поддерживали семейное дело собирания Руси под главенством Москвы и были верными союзниками великих князей. Они никогда не фрондировали, не плели интриг, не воевали

с центральной властью подобно герцогам Бургундским во Франции XV в., хотя и боролись за свои права в ходе конфликтов 1389, 1390 и 1410-х гг. Однако в целом на протяжении почти целого столетия великие московские князья постоянно стремились поставить под контроль своих сподвижников, мало-помалу отнимая у них старые права (военные, внешнеполитические, финансовые, судебные) и усиливая свою власть. Они понижали их статус для обеспечения наследования великокняжеского титула в пользу свои сыновей, контролировали чеканку, отбирали прежние пожалования, использовали политические неурядицы для увеличения своих собственных владений. После окончания феодальной войны великий князь Василий Темный перестал нуждаться в военной поддержке последнего серпуховского князя Василия Ярославича. Крепкие феодальные образования стали помехой. Серпуховской удел был ликвидирован и присоединен к великокняжеским владениям. В целом это логично завершало историю отношений старших Калитичей с их боковой серпуховской ветвью.

Особенно важно, что великокняжеская власть начала борьбу со своими удельными сородичами очень рано, уже с середины XIV в. Мазуров и Никандров продемонстрировали, что вначале борьба сосредоточилась вокруг признания Московского великого княжения достоянием исключительно семьи великого князя, для чего устранялись боковые ветви династии. И лишь затем, на следующем этапе, с середины XV в. началось новое наступление на удельные порядки. Фундаментальная монография А.Б. Мазурова и А.Ю. Никандрова убедительно доказывает, что начало борьбы с удельными князьями как носителями центробежных тенденций в Московском княжестве ведет свое начало с XIV в. Представленная авторами история Серпуховского княжества детально это иллюстрирует и тем самым позволяет понять логику исторического процесса централизации власти в России.

**Н.М. Рогожин, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

Педер фон Хавен. Путешествие в Россию / Пер. с дат., вступл., примеч., коммент. В.Е. Возгриня. СПб.: Изд-во журнала «Всемирное Слово», 2007. 528 с.

Российская история XVIII в. всегда привлекала внимание историков и публицистов. Этот период, начавшийся «славными деяния-

ми» Петра Великого, во всем блеске раскрылся во времена правления «просвещенной императрицы» Екатерины II. События же эпохи

«дворцовых переворотов», получившие достаточно полное освещение в исторических трудах, отличает отсутствие полномасштабной источниковой базы. Среди источников по российской истории XVIII в. особое место занимают сочинения европейских путешественников, побывавших в России. В 1736–1739 гг. нашу страну посетил датский пастор Педер фон Хавен, который оставил потомкам свои путевые заметки. Особый, присущий только зарубежным наблюдателям, взгляд позволил ему подметить многие реалии России эпохи Анны Иоанновны, ускользнувшие от местных бытописателей. Рецензируемая публикация, подготовленная д.и.н. В.Е. Возгриным, впервые представляет российскому читателю возможность ознакомиться в полном объеме с данным памятником.

Публикация основана на издании, вышедшем на родине автора в середине XVIII столетия. К сожалению, более точные сведения составителем не указаны. Скорее всего, речь идет о первом издании, вышедшем в Копенгагене в 1743 г. (если это предположение верно, остается необъясненным, почему публикатор выбрал именно это издание, а не более поздние). Тексту памятника предшествует вступление Возгрина, аргументированно указывающее на ценность источника и описывающее особенности перевода. Некоторое недоумение, правда, вызывает подзаголовок «Историографический обзор», помещенный после первых 2 абзацев вступления. Проблема в том, что в предисловии отсутствует какое-либо описание как предшествующих публикаций, так и историографии «Путешествия...». Некоторую информацию о творчестве П. фон Хавена можно найти в его биографии, приводимой в конце издания. Однако и здесь речь идет только о прижизненных публикациях автора при полном отсутствии историографии проблемы.

Сам текст памятника разделен на 4 части («[Санкт-Петербург]», «Отъезд из Санкт-Петербурга и пребывание в Азове», «Дорога из Азова в Москву», «Моя жизнь в Москве и отправление из России») и включает в себя достаточно подробное изложение всех перипетий пребывания в 1736–1739 гг. в России датского теолога. Однако фон Хавен не ограничился стандартным описанием своих поездок. В «записках» можно найти и размышления над особенностями христианской веры в различных конфессиях, и исследования по истории, культуре и психологии поведения различных народов и этносов (крымские татары, калмыки, ногайцы, донские казаки), и экскурсы в географию Российского государства. Такое многообразие интересов молодого датчанина – на момент приезда в Санкт-Петербург ему

исполнился 21 год – объясняется не только задачей «познавать мир», характерной для большинства европейских путешественников. По мнению Возгрина, как «истинное дитя эпохи Просвещения и верный его адепт, он должен был разделить свои знания с окружающими, чтобы сделать их просвещенной, а значит – лучше» (с. 495).

События начавшейся в то время русско-турецкой войны привлекали значительное внимание современников. Не стал исключением и Педер фон Хавен, ценность свидетельств которого повышается в связи с его личной поездкой в Северное Причерноморье. В «Путешествии в Россию» можно найти описание хода боевых действий как на суше, так и на море, в том числе похода в Крым фельдмаршалов Б. Миниха и П. Ласси, подробную характеристику русских армий и флотилий, своеобразный анализ политической и дипломатической обстановки. Так, например, датский пастор пишет о причинах конфликта: «Как только Персидская война подошла к концу, отчего Россия усилилась так же, как Турция ослабла, то императрица России решила объявить Турции войну – отчасти для того, чтобы отомстить за каверзы и жестокие набеги... отчасти для того, чтобы сделать новые захваты или, по меньшей мере, получить возможность прекратить дальнейшие разорения и вторжения» (с. 43).

Особое внимание в труде датчанина уделено характеристике различных конфессий, представителей которых Хавен встречал в России. Автор отмечает значительную свободу вероисповедания: «Свобода эта была всеобщей и распространялась на всех, кроме иудеев и иезуитов. Ни одной конфессии не отдавалось предпочтения перед другой» (с. 40). По его мнению, наиболее крупными общинами являлись лютеранские. Воздавая должное недостаткам русского народа, европейский путешественник помещает в текст и достаточно положительные характеристики: «Я должен здесь сообщить еще об одной вещи, которая, как я считаю, послужит к великой похвале всей нации. Среди них нет бродящих нищих. В Петербурге по праздничным дням у немецкого и шведского кладбищ можно видеть целые ряды иноземцев-нищих. Но что касается русских, то я не могу припомнить, чтобы я когда-либо видел кого-то, просящего милостыню, в том числе и в огромной Москве» (с. 54).

В своем «бытописании» Хавен предпринимает попытку систематизировать свои знания о России, изложив их по предметным областям. Описание физической географии включает в себя характеристику водных ресурсов страны, растительного и животного мира, полезных ископаемых. Как полагает автор, природные

условия являются одним из ключевых факторов, определяющих образ жизни местных жителей. Так, многочисленные густые леса в северо-восточных районах (до Архангельска) стали причиной, что «сельский житель в этих краях живет более дичью и рыбой» (с. 191).

В «политическое описание» вошли сведения о пограничных территориях и странах («на севере она окаймлена ужасающими снежными и ледяными горами... на юге она граничит с турецкими татарами и пустошами между Днепром и рекой Днестром» (с. 192), административном делении (губернии, провинции, уезды), системе управления государством, налогообложении, населении страны, его занятиях и промыслах («промышляет сеном, древесиной, льном, пенькой»), торговых связях и товарных особенностях различных регионов («В Карелии изобилие слюды. Казань может обеспечить всю империю хлебной продукцией. Икра идет из Астрахани») (с. 193). Хавен обращает особое внимание на значение коммерции для государства, «ибо торговля, собственно, суть артерии в теле политики». Отсутствие движения денег вызывает «смерть или, по меньшей мере, беспомощность», а их свободная циркуляция приводит к оздоровлению общества и предоставлению «средства к его существованию» (с. 195).

Заслуживают интереса отдельные критические замечания датского путешественника. По его мнению, вызывает недоверие большинство географических карт России, где лесные массивы указаны «прямоугольной формы». Он критикует всеобщий миф об исключительном «пьянстве» русской нации, изключивает обвинения в неоправданности: «До сих пор русским приписывают еще один порок, а именно нечистоплотность. Но в этом их обвиняют несправедливо... У благородных русских [дома] так же чисто, как в других местах. А что касается крестьян, то могу заверить, что у многих из них я обнаружил больше чистоты, чем в других странах» (с. 53).

Текст снабжен обширными примечаниями, включающими «дотошное разъяснение российских и датских реалий», информацию о массе исторических событий и т.п. Такая «излишняя» скрупулезность обусловлена желанием публикатора предоставить возможность даже неподготовленному читателю разобраться во всех нюансах происшедшего в описываемый период. Большинство примечаний имеют несомненную познавательную ценность. Но в некоторых из них находит отражение чрезвычайно специфический взгляд составителя публикации на события российской истории XVI–XVIII вв. Ряд примечаний вызывают недоумение. Например, в примечаниях

к с. 226 указано: «Сведения П. Хавена о том, что уже после овладения Очаковым убийства (в том числе, и прежде всего, гражданского населения) продолжались на улицах города, подтверждаются и другими современниками» (с. 310). Но такое утверждение не находит соответствия в тексте, так как у автора «Путешествия в Россию» в указанном месте написано, что «все, оказавшие сопротивление, были зарублены саблями, а остальные взяты в плен». Вызывает вопросы и примечание 2 к с. 245, касающееся упоминаемого в тексте «Владимира Восьмого». Данного исторического персонажа Возгрин соотносит с Владимиром I Святым. Но удивляет в тексте примечания даже не отсутствие попытки объяснения, почему князь назван «восьмым», а гипертрофированное авторское внимание к походу на Херсонес. Ровно половина текста биографической справки посвящена описанию «ужасов войны»: «умертил большую часть его жителей», «разграбил и разрушил христианские храмы Херсонеса, вывез иконы, мощи святых» (с. 315) и т.д.

В целом, создается ощущение неприязни публикатора к многим событиям русской истории, связанным с Крымским полуостровом. В этом плане весьма характерны сожаления о разгроме во время похода 1736 г. культурных центров крымских татар, в ходе которого «был нанесен труднопредставимый ныне урон и общеевропейской культуре» (с. 429). Походы самих крымчаков объясняются «крымскими оборонительными интересами» (с. 407), поскольку, видя неуклонное продвижение русских засечных черт на юг, крымские ханы были «вынуждены... предпринимать походы с единственной целью – разрушить эти городки ради собственной безопасности». Действия же российской стороны представлены как «планомерная агрессия на юг с целью захвата Крыма». По мнению Возгрин, к тому времени крымские татары уже «ничем не отличаются от других европейских, в частности от своих христианских соседей», а их территория представляет собой «урбанизированное», «высококультурное» пространство (с. 410). Тенденциозность отдельных примечаний и комментариев публикатора вызывает порой сомнение в объективности его взглядов. Разумеется, это обстоятельство не станет препятствием для работы с источником специалистам, владеющим методикой научного анализа и развитым критическим мышлением.

Научно-справочный аппарат издания, помимо примечаний, комментарии биографии фон Хавена, включает список литературы и указатель имен. Остается сожалеть об отсутствии указателя географических объектов, хотя часть из них объясняется в примечаниях.

Среди недостатков издания можно также отметить отсутствие научного описания оригинала, с которого был осуществлен перевод на русский язык. Отсутствует даже формальная характеристика аппарата публикации, и поэтому о том, какой текст помещен в квадратных скобках, читатель должен догадаться самостоятельно. Остается непонятным четырехчастное деление памятника: сам ли автор разбил текст таким образом, или это инициатива публикатора. Вызывают сожаление периодически встречающиеся печатки. Так, на с. 257 в описании биографии П.П. Ласси упоминается «шведская война 1742–1743 гг.», а на с. 260 уже «русско-

шведская война 1741–1743 гг.». На с. 507 в списке литературы в кратком описании книги, которое используется Возгриным для внутритекстовых сносок, ошибочно указано «Haven, 1957» вместо «Haven, 1757», что крайне прискорбно для документальной публикации, задача которой стать основой для последующих исторических исследований.

В целом же хочется отметить безусловную ценность издания, вводящего в научный оборот полный вариант источника о жизни России времен Анны Иоанновны.

**А.Г. Гуськов, кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

П.Д. Николаенко. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России; «Европейский дом», 2009. 780 с., ил.

Книга доцента кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД П.Д. Николаенко – это первая научная биография одного из выдающихся представителей российской бюрократической элиты конца XVIII – первой трети XIX в., написанная хорошим литературным языком и выходящая далеко за рамки историко-юридического исследования. Автор задался целью максимально полно проследить жизненный путь В.П. Кочубея и, не поступаясь требованиями объективности, scrupulously изучить наиболее спорные моменты и недостаточно проясненные эпизоды его биографии. Следует признать, что ему удалось успешно решить поставленную задачу.

Работа Николаенко является итогом многолетних изысканий в архивах и библиотеках нашей страны и зарубежья. Ценные находки были сделаны им в РГИА, АВП РИ МИД РФ, РГАДА, РГА ВМФ, ГА РФ, а также в Центральном государственном историческом архиве Украины, Государственном архиве Черниговской области и Государственном архиве Полтавской области. Особо надо отметить тщательное изучение описи Диканьского архива Кочубеев, позволившее автору существенно уточнить отдельные моменты деятельности своего героя. Личный архив Кочубея пропал во время Великой Отечественной войны, и многие важные документы, хранившиеся в нем, едва ли когда-либо будут найдены, опись же Диканьского архива дает возможность в какой-то степени восполнить эту утрату. Характернейшая черта работы Ни-

колаенко – стремление максимально использовать все исследовательские возможности для углубленного и всестороннего анализа избранной темы. Трудно назвать такой предмет или сюжет, связанный с Кочубеем, который не получил бы всестороннего освещения в книге. Можно лишь пожалеть о том, что в ней отсутствуют предметный и именной указатели.

Хотя в конце жизни Кочубей занимал высшие посты в империи и стал канцлером по внутренним делам, в центре внимания автора – его деятельность на посту министра внутренних дел. Наиболее значимой является пятая глава, названная «Не было министра в России просвещеннее и способнее к его званию». Эти слова владимирского губернатора кн. И.М. Долгорукова вполне могли бы служить эпиграфом ко всей книге. Представляют немалый интерес и составленные Николаенко социальные портреты различных категорий служащих МВД. Автор исследовал формулярные списки чиновников этого ведомства, успешно применяя методы, разработанные в свое время П.А. Зайончковским и С.В. Мироненко. В итоге ему удалось с достаточной степенью полноты охарактеризовать личный состав МВД и основные тенденции кадровой политики Кочубея. В частности, Николаенко основательно разработал вопрос о роли и месте масонов в МВД. При этом автор использовал количественные методы для обработки материалов Особенной канцелярии МВД, содержащих сведения о принадлежности служащих в министерстве к «вольным каменщикам».